Как я без спросу ходила на лекции Зализняка в МГУ и что из этого вышло.

Осенью семидесятого года подруга, учившаяся на филфаке МГУ, сказала мне, что «послезавтра нужно пойти на лекцию Зализняка по сравнительной грамматике индоевропейских языков». Я не знала, кто такой Зализняк, и очень приблизительно представляла себе, что такое сравнительная грамматика, но на лекцию пошла. Мы вместе отправились туда же и в следующий раз, а потом подруга ходить перестала, а я продолжала. Но вот незадача: училась-то я не в МГУ, а в Инязе! Поэтому приходилось изворачиваться, чтобы незаметно проскользнуть мимо вахтерш. Можно было либо предъявить студенческий билет в раскрытом виде (ибо он был не красного цвета, как в МГУ, а синего), либо незаметно пробраться боком, пока билет проверяли у того, кто шел впереди меня. Бывало, что меня выводили на чистую воду и пытались пристыдить, но все равно я как-то проскальзывала.

В аудитории лектора очень ждали: в любой мороз студентки по пояс высовывались в окна ...надцатого этажа, высматривая машину Андрея Анатольевича. Наконец появлялась и сама машина, зачастую со слоем снега на крыше, и как-то очень ловко тормозила прямо перед бордюром. Дальше страждущим оставалось еще совсем немного подождать.

Нельзя сказать, что я понимала каждое слово. Сказывалось отсутствие должной базы. Но удивление еще долго меня не оставляло. Речь на лекциях шла о суффиксах, о чередовании гласных – в школе не было ничего зануднее этого, - а в исполнении Андрея Анатольевича всё это звучало не просто захватывающе интересно, но еще и весело!

Мне не надо было сдавать экзамен, а остальным нужно было об этом думать, поэтому при случае они сильно пугались. Когда Андрей Анатольевич, имея в виду приближающуюся сессию, сказал: «Вы не обязаны разделять мою точку зрения, вы можете разделять любую другую или иметь свою собственную. Но вы должны быть в состоянии достаточно твердо на ней держаться», это мало кому прибавило храбрости.

Под занавес нам была задана на дом задача по реконструкции, с которой никто не справился. Одна из студенток все же вызвалась отвечать, и, дав ей вволю помучаться у доски, Андрей Анатольевич сказал, что задача эта не имеет решения, и он просто хотел, чтобы мы в этом убедились на собственной шкуре. Речь шла об индоевропейском чередовании гласных «а» и «о».

Хотя я и не усвоила всего, о чем говорилась на лекциях этого цикла, полученных знаний вполне хватило, чтобы использовать их в корыстных целях, а конкретно – пустить пыль в глаза Аллендорф, которая читала нам курс истории французского языка. Выучить означенную историю я не надеялась и потому решила на каждой лекции задавать преподавательнице какой-нибудь вопрос – каверзный, но по существу. Тогда она меня запомнит и на экзамене не будет особо зверствовать. План блестяще удался – положительную оценку по истории французского языка я получила.

На следующий год мы читали Евангелие от Матфея и прочитали за год не более трех (но убористых) страниц. А попутно в своем институте я уже и курсовую писала у Торсуевой, читавшей у нас введение в языкознание, а потом и диплом у Розенцвейга. Мечталось-то у

Апресяна, но в те годы его кандидатура не устроила кафедру, и он руководил мной нелегально.

Получается, что Андрей Анатольевич - мой крестный отец в лингвистике. И вся семья знает, и дети тоже знают, что Зализняк – это круто! А на публичные лекции Андрея Анатольевича мы приходим всей семьей.

Поздравляю Вас с юбилеем, дорогой Андрей Анатольевич!

Екатерина Дюшен, научный сотрудник слишком широко теперь известного ИНИОН РАН.